

**ТЕХНОЛОГИЯ ПАРАЛЛЕЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
КАК ИНСТРУМЕНТ КРОССКУЛЬТУРНОЙ
ЛИНГВОФОЛЬКЛОРИСТИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФОРМУЛЫ
ОТСЫЛКИ БОЛЕЗНИ В РУССКИХ
И БОЛГАРСКИХ ЗАГОВОРАХ)**

С.И. Доброва

Ключевые слова: кросскультурная лингвофольклористика, параллелизм макро- и микрокосма, технология параллелистического анализа, заговор, формула отсылки болезни.

Keywords: cross-cultural linguistic study of folklore, the parallelism of macro- and microcosm, parallelistic analysis technology, the spell, the formula of sending a disease.

Фольклорная формула есть «манифестант этнической ментальности», поэтому кросскультурный аспект ее исследования выявляет «специфику этнической культуры и определяющей ее этнической ментальности», при этом четкая направленность кросскультурной лингвофольклористики на «модернизацию своего исследовательского инструментария» и разработку «эффективного инструментария для выявления культурных смыслов в единицах языка» [Хроленко, Бобунова, Завалишина, 2004, с. 47, 49] обуславливает поиск новых исследовательских технологий. В качестве инструмента для определения кросскультурного аспекта фольклорных формул эффективным видится применение **технологии параллелистического анализа** – пошагового, компонентного, спектрального изучения параллелизма как ментального и лингвистического механизма формирования фольклорной формулы.

Термином **параллелистический анализ** предлагаем обозначить метод расчленения формульных явлений на параллельно организованные составные части (компоненты), репрезентирующие кванты культурного смысла; совокупность приемов и операций исследования параллелистической формульной организации фольклорного текста в ее ментальном и лингвистическом воплощении с целью выявления эволюции художественных форм фольклора в свете динамики народного мировосприятия. Кросскультурной спецификой отмечены количественные, качественные и синтагматические характеристики параллельно организованных компонентов фольклорной формулы.

В настоящей статье технология параллелистического анализа как инструмент кросскультурной лингвофольклористики применена для изучения формул отсылки болезни на материале двух славянских традиций – русской и болгарской.

Формула отсылки / отгона / ссылаяния болезни представляет собой древний индоевропейский образец ритуально-поэтической формулы, неизменный научный интерес к исследованию которой на материале различных заговорных традиций обоснован тем фактом, что она играет основополагающую роль в реализации целей и задач лечебного заговора [Познанский, 1917; Амроян, 2005; Свешникова, 1993; Небжеговская-Бартминская, 2005; Вельмезова, 1999; Олупе, 1993; Панина, 2012; Квилинкова, 2010 и др.]. Мнение И.Ф. Амроян о том, что формула изгнания болезни особенно характерна для русских и болгарских заговоров [Амроян, 2005, с. 117] актуализирует обращение к двум славянским заговорным традициям. При этом в фокус исследовательского внимания до сих пор не был включен вопрос о роли параллелизма макро- и микрокосма в организации исследуемой формулы в его кросскультурной проекции. Между тем исследование под указанным углом зрения значимых культурных смыслов, аккумулированных в формуле отсылки болезни, способствует разработке морфологии параллелизма, в значительной степени расширяет представления об организации и функционировании формулы в различных этнических традициях, выявляет общее и специфичное в фольклорно-языковой картине мира этносов, что и обуславливает актуальность настоящей работы.

Материалом исследования послужили авторитетные в научном отношении собрания русских и болгарских заговорных текстов одного хронологического периода в записях середины XIX-XX веков¹. Обработка 5000 лечебных заговоров двух традиций в отношении сбора данных по формуле отсылки болезни, которая содержит параллельно

---

¹ Амроян И.Ф. Сборник болгарских народных заговоров. Тольятти, 2005 (Амроян, № текста); Иванова А.А. Вятский фольклор. Заговорное искусство. Котельнич, 1994 (Вятский фольклор, № текста); Иванова А.А. Заговоры и заклинания Пинежья. Карпогоры, 1994 (Пинежье, № текста); Ефименко П.С. Заклинания, наговоры, обереги // Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии. М., 1878. Ч. 2. Народная словесность (Ефименко, страница, № текста); Майков Л.Н. Великорусские заклинания. СПб., 1869 (Майков, № текста); Мансика В.Н. Заговоры Шенкурского уезда // Живая старина. 1912. XXI. Вып. 1; Проценко Б.Н. Заговоры, обереги, поверья, приметы: духовная культура донских казаков. Ростов-на-Дону, 2010 (Проценко, № текста); Савушкина Н.И. Русские заговоры. М., 1993; Аникин В.П. Русские заговоры и заклинания: Материалы фольклорных экспедиций 1953 – 1993 гг. М., 1998 (Аникин, № текста).

организованные компоненты, продемонстрировала значимую кросскультурную специфику: в болгарских заговорах показатель формульной частотности в текстах в 14 раз выше, чем в русских.

В русских и болгарских заговорах инвариантная модель формулы отсылки болезни включает в себя пять компонентов (**субъект, функция, объект, локус и его характеристика**) и реализуется в двух сценариях.

В первом сценарии в качестве субъекта представлена болезнь, объектом воздействия становится человек или животное, из которых изгоняется недуг.

«Идите вы, болезни, в темные леса, глубокие болота, где солнце не всходит, где человек не проходит» (Аникин, № 2259). *«Уроки, бурюки, уходите в пустой лес, где птички не поют, где человек не ходит»* (Амроян, № 14).

Во втором сценарии субъектом является чудесный помощник-целитель или заклинатель, а в качестве объекта воздействия выступает болезнь.

«... топи, Господи, все болезни в болоте, где птицы не летают, где скот не ходит» (Проценко, № 83). *«... пусть унесут ее (болезнь) в леса зеленые, пустыри пустынные, где человек не ходит, где топор не рубит, где овца не блеет, где петух не поет, где собака не лает»* (Амроян, № 273).

Наличие двух сценариев позволяет выделить в инвариантной модели константные и переменные компоненты формулы. *Константными* (тождественными в обоих сценариях) являются функциональный компонент, локус и характеристика локуса. *Переменными* (различающимися два сценария) являются субъект и объект. В обеих традициях каждый из пяти компонентов инвариантной модели может быть организован на основе параллелизма.

Кросскультурная специфика русской и болгарской традиций ссылаясь болезни на уровне параллельно организованных константных компонентов – **функция, локус и его характеристики** – проявляется в их частотности, особенностях репрезентации, функционирования и синтагматики.

В формуле отсылки болезни **параллелизм функциональных компонентов** – глагольных императивов, в которых выражен приказ, требование, желание, просьба больного, врача или других исполнителей обряда, – в обеих традициях носит имплицитный характер. Основу исследования механизмов формирования параллелистических формул составила категориальная классификация глаголов (семь базовых компонентов глагольных рядов (ГР)),

представленная в трудах Е.Б. Артеменко и ориентированная автором на другие цели [Артеменко, 1988, с. 26-31].

В русских и болгарских заговорах существует четкая дифференциация ГР в зависимости от реализуемого сценария. Идея изгнания в широком смысле воплощается в разных, но однотипных функциональных компонентах.

В первом сценарии функциональный компонент представлен лексемами ГР-1 – глаголами движения, положения и изменения положения в пространстве, бытия (*иди, исчезни, уйди, выйди*): «**Идите** вы, болезни, в темные леса, глубокие болота, где солнце не всходит, где человек не проходит» (Аникин, № 2259); «Я (болезнь) **иду** в горы, где петух не поет, где собака не лает, где стан не ткет» (Амроян, № 204).

Во втором сценарии функциональный компонент отличается большим разнообразием, но с абсолютным численным преобладанием представлен лексемами ГР-2 – глаголами со значением «каузировать перемещение или определенное положение предмета в пространстве» (*понеси, унеси, возьмите, отнесите*): «**Снеси** боль рабы твоей Пелагеи туда, куда птицы не залетают, люди не заходят, звери не забегают» (Аникин, № 2271); «... пусть **унесут** ее (болезнь) в леса зеленые, пустыри пустынные, где человек не ходит, где топор не рубит, где овца не блеет, где петух не поет, где собака не лает» (Амроян, № 273). Значительно реже лексемами ГР-4 – акциональными глаголами со значением физического действия и воздействия, репрезентирующими обрядовое действие (*топи, отбивайте, отстреливайте, выливайте* (*испуг*)) и лексемами ГР-7 – глаголами с общим значением или семей речевой деятельности (*вызывайте, посылайте, заговаривайте*).

Воплощение единой идеи изгнания болезни в двух сценариях создает основу для имплицитного параллелизма функциональных компонентов формулы отсылки болезни, который формируется на уровне сопоставления лексем ГР в двух сценариях. Императив является идеологическим стержнем и во всех конкретных воплощениях на уровне глубинного смысла восходит к единому концепту отсыла, отгона, ссылаяния, в конечном счете уничтожения болезни.

Отличительной чертой русских заговоров является реализация в пределах формулы одного сценария с использованием лексем одного ГР. Амплификация функциональных компонентов отмечена в единичных примерах и осуществляется в пределах лексем одного ГР.

ГР-2: *«Вазьмити эту таску с раба божыва ..., атнясити эту таску за горы крутыи, за ляса высокии, где люди ня ходють, пяхухи ня пяхуть ...»* (Проценко, № 250).

В болгарских заговорах амплификация функциональных компонентов доминирует и осуществляется с привлечением лексем различных ГР.

ГР-7,4: *«Так будет заговаривать, отправит их в пустой лес, где молодых не венчают, где детей не крестят, где собака не лает, где петух не поет, где коза не верещит, где овца не блеет, где бык не мычит»* (Амроян, № 171).

Амплификация функциональных компонентов на материале лексем различных ГР приводит в болгарских текстах к реализации в одной формуле двух сценариев и расширению функций болезни в первом сценарии, которое выражается в использовании в качестве функционального компонента несвойственных первому сценарию глагольных лексем со значение физического действия и взаимодействия (*найти*): [второй сценарий] *«... ее (болезнь) повела да завела (чудесный помощник) в густые леса тилилейские: [первый сценарий] пусть (болезнь) идет туда, где петухи не поют, пусть найдет, где юноша на свирели не играет, где девка на станке не ткет»* (Амроян, № 174).

Анализ параллелизмов локусов и их характеристик в двух славянских традициях свидетельствует о том, что человек не знает, где живет и откуда пришла болезнь. Она представляется порождением параллельного, сосуществующего с человеком, но при этом чуждого и непонятного ему мира. Незведанность, денотативная неопределенность локализации болезни иконически представлена в структуре параллелизма особыми знаками. География мест отсылки разнообразна и фактически охватывает вертикаль и горизонталь мира, непосредственный маршрут движения не представляется очевидным и обозначен в максимально условном и обобщенном виде: по горизонтали – в самое отдаленное место, по вертикали – вглубь или ввысь, локальные компоненты потенциально неоднословны, имеют перечневое воплощение с указанием вариативного спектра мест, в которые ссылается недуг, или исключены из состава формулы.

Концепт места отсылки в обеих традициях – **особое место, имеющее особое предназначение**. Родовое обозначение в русских заговорах – *«пустое, темное место: и поиди, грыжа, на пустое место, въ темное место, где солнце не огревает, где люди не ходять»* (Майков, № 128), в болгарской традиции – *«пустое, пустынное место: пусть идет зло туда, где петухи не поют, где*

собаки не лают, где кур не разводят, где деревья не растут, где вода не течет, туда, где солнце и месяц не греют, в пустые леса, в пустые места, в пустые каменистые места» (Амроян, № 1).

Видовые обозначения в обеих традициях находят свое воплощение в образах параллельных миров: в русских заговорах – мира природы, мира человека, перевернутого мира и мира мертвых, в болгарских – отсутствует мир мертвых.

В русских заговорах в качестве мест отсылки болезни доминируют природные объекты (более 30 репрезентантов). Локальные компоненты, представляющие «перевернутый мир» как недоступное человеку пространство, вводятся в заговорный текст с помощью особых знаков: мир преисподней находится **за (под) объектом мира природы**. Мир человека в качестве места отсылки болезни используется в единичных примерах: *на злого супостата, к старому хозяину в пяту; артефакты (баня, труба)*. Отсылка болезни к миру мертвых встречается крайне редко: *кладбище (могилки)*.

В исследуемом корпусе болгарских текстов обнаружено меньшее количество миров и их репрезентантов. В качестве локусов отгона также доминируют природные объекты, но они не отличаются многообразием. Доминантным является фитонимический образ *лес*. Мир человека в качестве локуса отгона также используется в единичных примерах: *царская дочь, артефакт труба*. Существенно отличается болгарская традиция в представлении мира преисподней без использования в качестве пространственных координат природных образов, болезнь ссылается на *дьяволов*. Отсылка болезни к миру мертвых отсутствует. В болгарских текстах доминируют формулы, в которых место отсылки обозначается одним локальным компонентом в сочетании с эпитетом *пустой (пустой лес)*, что исключает детальную маршрутизацию процесса изгнания.

Столь распространенным в русской традиции разнообразным перечням вариативных мест отсылки болезни («*И подите под пень, под колоду, ...в болота седучи, в болота зыбучи, где на конях не ездят, пешеходы не ходят, за ручьи, за реки быстры, за темные леса*» (Пинежье, № 132) в болгарской традиции противостоят многочисленные повторы эпитета *пустой* в обозначении локуса отгона: «*в пустой лес пустынный, где петух не поет, где курица не клюет, где конь не ходит, где осел не топчется, где собака не лает. В пустой лес пустынный*» (Амроян, № 24).

Параллелистическая основа формулы выявляет **принципиальный отказ от конкретизации локуса отсылки болезни**. В связи с этим в русской традиции «ясно вырисовывается

параллелизм ...противоположных пар с признаком движения – антидвижения» [Олупе, 1993, с. 130]: *ручей, быстрая вода – болото, стоячая вода*. Первая часть параллелизма, воплощающая движение, ответственна за репрезентацию процесса изгнания, а вторая часть, связанная с антидвижением, подготавливает и предопределяет результат этого процесса – уничтожение болезни. В болгарских заговорах отсутствует указанный параллелизм, доминирует антидвижение (*пустой лес*). В обеих традициях используются объекты, являющиеся маркерами пограничного пространства (*камень, остров, труба*).

В плане **маршрутизации процесса** отмечены горизонтальные и вертикальные (нисходящие и восходящие) перечни мест отсылки болезни, которые в большей мере свойственны русским заговорам.

Многомерность организации заговорного пространства иконически проявляется в организации пути, по которому болезнь отсылается в иной мир. Реализация маршрута отсылки болезни по горизонтали и вертикали дифференцируется соотношением миров. В русских и болгарских заговорах мир природы реализует движение по горизонтали в отдаленное место. Движение по вертикали имеет национальную специфику. В русских заговорах мир природы реализует движение по вертикали вниз и соотносится с миром преисподней (за / под объектом природы), а мир человека отражает движение по вертикали вверх и соотносится с миром православным. В болгарской традиции движение по вертикали вниз реализуется непосредственно с помощью образов мира преисподней (*дьяволы*), а мир природы (*звезды, горы*) и мир человека (*труба*) реализуют движение по вертикали вверх и соотносятся с миром православным.

В обеих славянских традициях выявлен параллелизм локусов (отсылка болезни на объекты мира природы и мира человека): **«В теплой бане, над белым паром, в темном лесе, в синем море, над сырым камнем тут тебе (болезнь) и спокой, где собаки не лают, петухи не певают»** (Вятский фольклор, № 393); **«пусть растают уроки, ... пусть вылетят в эту трубу, пусть уйдут в густой лес, где птица не поет и где солнце не светит»** (Амроян, № 85). В болгарских заговорах отмечен пример параллелизма локусов на материале сопоставления мира природы и мира преисподней с единовременной отсылкой болезни по вертикали вверх (*камни – звезды*) и вниз (*камни – дьяволы*): **«Матерь Божья его ... разбросает по дьяволам, по камням, по звездам, где человек не ходит, птица не сидит и дикие звери не живут»** (Амроян, № 184).

В семантической сфере локальных компонентов в обеих традициях формируется особый имплицитный «параллелизм внутри слова» [Хроленко, 2010, с. 48], который наблюдается как на уровне родового обозначения места отсылки болезни, так и в его видовых воплощениях.

Родовое обозначение места отсылки болезни *пустое место* понимается информатором не только как *пустырь*, заброшенное место, но и как *проклятие, проклятое место*: «*идите вы, исполохуполоха, ... в чистое поле, за синее море, где пешком не ходят, на конях не ездят, в темный лес, под синий мох, под гнидую колоду. Там вам, проклятым, место*» (Пинежье, № 128).

Видовое воплощение места отсылки болезни *трясина* в русских заговорах обозначает не только зыбкое, болотистое место, но и в переносном значении, которое также актуализируется на уровне ассоциаций, – среду, отличающуюся «отсутствием живой деятельности» [Ефремова, 2000].

Частотное в болгарских заговорах видовое воплощение места отсылки болезни – *лес Галилеи (галилейский, телелейский, тилилейский)* – обозначено именем собственным, восходящим к библейским традициям [Амроян, 2005, с. 13]. Оно связано с исторической областью на севере современного Израиля, граничащей с Ливаном, и в актуализируемом на уровне ассоциаций переносном значении репрезентирует свойства пустынности, удаленности и непроходимости особого локуса. Горный район Верхней Галилеи труднодоступен и поэтому служит укрытием для преследуемых, кроме того, по одной из версий, само название происходит от слова *гоlá* – *удаление, рассеяние*, так как там были рассеяны многие народы.

Неопределенность денотата обуславливает его воплощение как некоей отвлеченной сущности, требующей объективации, поэтому «пространство, приписываемое болезни, не только локализуется, но и имеет свои характеристики» [Небжеговская-Бартминская, 2005, с. 321].

Развернутая характеристика места отсылки представлена с привлечением образов различных миров в «особом клише, заговорной параллелистической формуле типа “где... не...”» [Свешникова, 1993, с. 147–149].

«*Идите вы, болезни, в темные леса, в глубокие болота, где солнце не всходит, где человек не проходит*» (Аникин, № 2260). «*Уроки, бурюки, уходите в пустой лес, где птички не поют, где человек не ходит*» (Амроян, № 14).

Основу параллелизма составляют актантные и функциональные компоненты, характеризующие место изгнания болезни. Стремление

заговаривающего изгнать болезни, подчинить их своей воле и обезвредить получает в исследуемых конструкциях иконическое отражение: образы различных миров, характеризующие место изгнания, размещены в синтаксически зависимых частях конструкции. В обеих традициях характеристика может быть оформлена также на основе классического параллелизма: «*там люди не ходят, птицы не летают*» (Майков, № 57); «*Там добрый молодец на вороном коне, на синем седле, в парчовой шапке, в венке зеленом; Там и Матерь Божья свадьбу играет*» (Амроян, № 234). Однако из двух содержательно сходных формул доминантной (наиболее частотной и разнообразно представленной) является та, в которой образы, характеризующие место отгона, репрезентированы в синтаксически зависимых частях конструкции.

Для характеристики локуса изгнания как другого, противоположного мира используются маркеры различных миров, что и составляет основу параллелистической формулы «где... не...».

В функции **субъекта** выступают персонажи нескольких миров: в русской традиции – мира природы, мира человека, православного мира и перевернутого мира преисподней, в болгарской – отсутствует мир преисподней. В обеих традициях доминантным является мир природы. В болгарской традиции, в отличие от русских заговоров, в мире природы более разнообразно представлена группа домашних животных (*петух, куры, цыпленок, собака, овца, коза, бык, осел, ягнята*), в мире человека детализированы домашние занятия (*кур не разводят, топор не рубит, хлеб, пресную лепешку не месят, клепало не бьет, молот не стучит, квашни не скрипят, скребки не скребут, стан не ткет*), земледельческие работы (*соха не пашет*), православные обряды (*в церковь не ходят, детей не крестят, молодых не венчают*). В мире православных реалий в русской традиции присутствует *Бог*, в болгарских текстах представлен сонм святых (*Матерь Божья, Святой Целитель, семьдесят апостолов*). В русских заговорах, в отличие от болгарских, репрезентирован мир преисподней (*черт и чертиха*).

Частотность глагольных лексем в **типологии функциональных компонентов** выявляет полевою модель их организации. Ядерные и периферийные компоненты неодинаково соотносятся с разными мирами.

В обеих традициях **на ядерном уровне** в представлении всех миров доминируют глаголы движения и бытия в сочетании с отрицательной частицей *не* (реже – слово *нет*): «*где люди не ходят и*

скот не бродит» (Проценко, № 168); *«где людей нет, где цыплят нет»* (Амроян, № 21).

На периферийном уровне глагольные компоненты различных миров в обеих традициях дифференцируются. В русских заговорах для мира природы также характерны глаголы речевой деятельности: *«пятухи ня пають»* (Проценко, № 250), для мира человека – глаголы восприятия: *где глаз человеческий не доходит* (Проценко, № 51), физического действия и взаимодействия: *человек топором не рубит* (Проценко, № 101), для православного мира – глаголы восприятия: *Бог един призирает* (Ефименко, 209, № 46), для перевернутого мира – безглагольные конструкции: *где кум с кумой (черт с чертихой), где брат с сестрой* (Проценко, № 3). В болгарских заговорах для мира человека характерна значительная по сравнению с русской традицией детализация глаголов физического действия и взаимодействия в части домашних занятий, земледелия и исполнения православных обрядов, отсутствуют глаголы восприятия, для характеристики православного мира, как и для мира человека, используются глаголы физического действия и взаимодействия, поскольку его представители находятся, в отличие от русской традиции, в месте отсылки болезни и производят там ритуальные действия: *Там семьдесят апостолов, которые прислуживать будут* (Амроян, № 204), также отмечены безглагольные конструкции: *Там Святой Целитель и Кузьма Дамиан* (Амроян, № 13).

Национальная специфика **синтагматических связей** функциональных и локальных компонентов, локальных компонентов и их характеристик отражает определенный баланс репрезентации компонентов в формуле: регламентация одного компонента компенсируется распространением другого и наоборот. В русских заговорах в параллелистической формуле акциональный компонент представлен, как правило, без амплификации, в то время как локусы, напротив, репрезентированы в своем максимально множественном, перерастающем в перечни воплощении. В болгарской традиции наблюдается диаметрально противоположная закономерность: глагольный императив регулярно подвергается амплификации, а локальные компоненты имеют конкретное, регламентированное воплощение без использования перечней. В русской заговорной традиции акцент делается на локальных параметрах, в болгарской – на акциональном компоненте. При этом если в русских заговорах разнообразие локусов сочетается с достаточно компактным комплектом их характеристик, реализующих единую цель уничтожить недуг, то в болгарской традиции единообразные

локальные компоненты наделяются разнообразными амбивалентными характеристиками, детализированными в части домашних занятий человека, его работы на земле, совершения обрядовых действий и отражающими вариативность цели магического воздействия уничтожить или умиловить болезнь.

В обеих традициях параллелистический анализ выявил значимую для лечебных заговоров **корреляцию компонентов** формулы отсылки болезни с концептами движения (отгона) и антидвижения (уничтожения), которая системно реализуется в следующей культурно маркированной смысловой цепи.

В русской традиции **функциональный компонент** на уровне глубинного смысла восходит к единому концепту ссылая, в конечном счете уничтожения болезни, воплощает динамику процесса изгнания; **локальные компоненты**, которые в формуле занимают медиальное положение, указывают на параллелизм динамики и антидинамики, пограничный статус процесса отгона; **характеристика места отсылки**, занимающая в формуле финальную позицию, актуализирует антидинамический аспект как результат уничтожения болезни. Формула демонстрирует эволюцию движения к антидвижению: динамичную борьбу с существующей болезнью, границу ее бытия и небытия, небытие болезни как итог усилий заговора. В болгарской традиции процесс отгона и уничтожения представлен скорее революционно, нежели эволюционно: амплификация функциональных компонентов манифестирует динамику и разнообразие процесса изгнания, который уже на уровне локальных компонентов фиксирует антидинамику, характеристики локусов дифференцируются в силу амбивалентности исхода (небытие или инобытие болезни). Указанные процессы отгона и уничтожения (как вариант – бытие в ином виде) совершаются с различной скоростью: в русской традиции движение осуществляется с меньшей скоростью и большей детализацией на различных его этапах, возможностью прорисовать маршрут и наблюдать эволюцию движения к антидвижению; в болгарской – с большей скоростью и меньшей детализацией, с максимальной редукцией маршрута.

Отношение к болезни в русской традиции категорично и направлено на ее уничтожение под присмотром высших сил, в болгарской традиции отношения с болезнью носят дипломатический характер, допускающий установление определенных договоренностей при условии ее благополучного существования вне основного базового мироустройства.

Литература

Амроян И.Ф. Повтор в структуре фольклорного текста (на материале русских, болгарских и чешских сказочных и заговорных текстов). М., 2005.

Артеменко Е.Б. Принципы народно-песенного текстообразования. Воронеж, 1988.

Вельмезова Е.В. Семантика пространства лечебного заговора: к типологии формул отсылки болезни (на примере восточнославянских, чешских и французских текстов) // Вестник МГУ. 1999. № 4.

Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М., 2000.

Квилинкова Е.Н. Заговоры, магия и обереги в народной медицине гагаузов. Кишинев, 2010.

Небжеговская-Бартминская С. Шла болячка с болентина... Концептуализация болезни в польском языке и в польских народных заговорах // Заговорный текст. Генезис и структура. М., 2005.

Олупе Э. Формула уничтожения в латышских заговорах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993.

Панина Т.И. Магия слова в народной медицине удмуртов: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Ульяновск, 2012.

Познанский Н. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Петроград, 1917.

Свешникова Т.Н. Структура восточнороманского заговора в сопоставлении с восточнославянским (формула отсылки болезни) // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. М., 1993.

Хроленко А.Т. Введение в лингвофольклористику. М., 2010.

Хроленко А.Т., Бобунова М.А., Завалишина К.Г. Сопоставительная и кросскультурная лингвофольклористика // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. М., 2004. № 2.